

**ИСХОДНОЕ "ПОЛЕ" АНТРОПОЛОГОВ,
ИЛИ О НАЦИОНАЛЬНЫХ НАУЧНЫХ ШКОЛАХ**

Очерчивая изначально в духе жесткого и провоцирующего схематизма две почти антагонистические интеллектуальные традиции: американскую, концентрирующую внимание на *культуре*, и французскую, нацеленную на изучение *общества*, Эмманюэль Дево привлекает в качестве аргумента историографию и то, что принято называть национальными научными школами. Понятие "культура" делает акцент на местных различиях и раз и навсегда сформировавшейся системе психологически мотиваций, верований, знаний и умений. Выбор в пользу "общества", напротив, как бы автоматически подталкивает к универсалистскому пониманию развития человечества, ведомого исторической эволюцией от варварства к высшей стадии цивилизации. Эта эволюционистская модель растворяет бесконечное разнообразие человеческих коллективов в едином линейном процессе. Таким образом автор противопоставляет две параллельные, взаимоисключающие традиции, которые, тем не менее, по его мнению, вызваны к жизни одной и той же потребностью. Речь идет в обоих случаях о стремлении положить в основу антропологии изучение конкретных явлений, освободить ее от устаревших теологических воззрений, делавших из человека существо исключительное, венец божественного творения. Натуралистский подход, в целом, иллюстрирует общую тенденцию секуляризации наук о человеке.

На этом, однако, сходство двух традиций заканчивается. Американская эпистемология с ее геологическим видением мира использует образы стратификации, последовательного осаждения слоев, плотных отложений, подверженных эрозии. Новая нация, отрекаясь от старого мира, отбрасывает своих аборигенов, подавленных в ходе завоевания, на задворки истории. Подобно ископаемым останкам, заключенным в земной породе, они будут свидетельствовать об отжившем мире, стертом временем порядке вещей, материальные остатки, языки и обычаи которого надлежит тщательно собирать как подлинные знаки природы.

Согласно Дево, французская антропология радикально отличается от американской своим биологическим подходом, выразителем которого во второй половине XIX в. была иерархическая и основанная на неравенстве расиология Поля Брока. Позже, благодаря прививке дарвинизма, на смену дискредитированному представлению о незыблемых расах пришел эпигенез человеческих сообществ, копирующий организмистскую модель развития зародыша. Отныне эволюционистская, французская антропология вступает в динамическую фазу, не отказываясь от своих натуралистских привязанностей. Доктрина прогресса, выросшая из физиологии времен Сен-Симона и Конта, останется доминирующей на протяжении всего столетия, и ее набор функционалистских и адаптивистских метафор будет воспринят дюркгеймовской социологией.

Представленная столь огрубленно, оппозиция между геологической и социобиологической традициями выглядит убедительно. Действительно, она представляет универсум взаимопересекающихся представлений, часто скрытый за кажущейся разумностью доказательств. Инерция мышления, чуждая, как могло бы показаться, научному познанию, довлеет над обоими способами интерпретации, где одинаковым образом происходит взаимопроникновение эмпирически наблюдаемых "фактов" и их нормативной оценки. Не следует недооценивать роль системы представлений, скрытой устойчивости основополагающих идей и символов в истории науки. Они объединяют различные научные школы, обеспечивают универсальные объяснения и, безусловно,

---

Клод Бланкер (Blancaert) – руководитель исследовательских программ Центра Александра Койре (Национальный центр научных исследований, г. Париж).

задают направление всем исследовательским программам. Этот догматизм, присущий обеим парадигмам, настолько удачно вписывается в антропологические исследования позитивистского XIX в., что данный факт заслуживает осмысления. Немалая заслуга Дево состоит в его попытке глубокого анализа, продолжающего традиции классического эссе Леви-Строса "Раса и история", которое могло бы послужить нам в этом познании путеводной нитью.

Необходимо ли, однако, для того чтобы наметить проблему или предложить ее решение, последовательно противопоставлять друг другу две традиции, которые – тому есть масса подтверждений – на протяжении всей истории были взаимодополняющими и, более того, взаимопересекающимися? Не думаю. В качестве аргумента я хотел бы напомнить, прежде всего, что французская расиология никогда не исключала "геологических" соображений. Напротив. Можно считать общим местом представление о том, что первобытные расовые типы, давшие основу первоначальному европейскому населению, пережили в дальнейшем мощный натиск арийцев, пришедших с востока. Тот факт, что истинные автохтоны перемешаны сегодня в составе современных наций или занимают маргинальное положение, как баски Пиренеев или северные саамы, свидетельствует, таким образом, об их постепенном поражении в так называемой "войне между расами" (см. *Blanckaert* 1989a). Они составляли исходный субстрат населения наших стран, вскоре покрытый наносными отложениями "сменяющих друг друга все более и более перемешанных этнических волн" (*Boule* 1921: 322). Эта аналогия была общепринятой на протяжении целого столетия.

Гобино, рассуждая о "цивилизационных слоях", употреблял выражение "гуманитарная геология" – термин, который позже перенял Тэн. Характеризуя популяризованные интерпретации П. Топинара писал как об очевидном факте: "расовые слои подобны геологическим слоям: они последовательно накладываются друг на друга... Антропология сосредоточивает свои усилия на реконструкции рас и выявлении последовательности их смены; она не ограничивается изучением лишь поверхностных слоев" (*Topinard* 1879: 657). Та же метафора часто встречается в работах его учителя П. Брока: "Основная трудность, с которой мы сталкиваемся при попытке определить оригинальный расовый субстрат и его первоначальное распределение по поверхности земного шара, заключается в многократном наложении друг на друга этнических слоев. Если мы хотим приблизиться к решению этой проблемы, необходимо, если можно так выразиться, последовательно снять одно за другим все эти позднейшие наслоения, чтобы докопаться до наиболее древнего из них" (*Broca* 1874: 562).

Продвигаясь от известного к неизвестному, эта антропология исторических глубин ставила перед собой задачу "соскоблить" все наносное с земли предков и обнажить "историческую почву", ставшую предвестником этнического смешения. Выразительность образа стала, безусловно, причиной переноса понятийного аппарата, что привело к распространению общей лексики среди антропологов и геологов. В результате раса и связанный с ней "национальный характер" стали первыми объектами изучения этнологов. Употребление геологических терминов и понятий было во Франции не менее распространенным, чем в США. И это длилось без каких-либо "самодеформаций", если воспользоваться выражением Дево. Просто-напросто французская традиция эволюционировала вслед за господствующими в геологии парадигмами. В 1840-х годах она все еще характеризуется катастрофизмом и определяет последовательные вторжения человеческих масс как серию наводнений, разрушающих "допотопные слои нашей истории" (*Esquiros* 1848: 985). Это означает, как на то указывает, в частности, истребление аборигенов ("исчезающих индейцев", представляющих собой "низший слой" американского населения), что "существует доисторический период человеческого рода: по мере углубления в толщу земли мы находим останки более слабых и низших ныне вымерших рас. Каждый из этих последовательно залегающих слоев соответствует определенному возрасту человечества" (*Esquiros* 1845: 166). В дальнейшем теория "потопов"

уступает место актуализму с его представлением о постоянстве и неизменности. Но идея о нарастании отложений наглядно иллюстрирует роль миграционных потоков. После завоевания Алжира ученые из арабского отдела колониальной администрации также прибегали к "метафоре геологических страт, которые, как на карте, позволяют увидеть древний берберский слой поверх которого отложились последующие более или менее мощные наслоения" (Fremeaux 1998: 200). Этих примеров достаточно, чтобы продемонстрировать полную совместимость двух господствующих школ и очевидную популярность геологического подхода во Франции. Мощная структура, казалось бы, монолитных "традиций" не исключает, таким образом, ни переходных форм, ни общности между ними.

Конструкция Дево выстроена, таким образом, на зыбком фундаменте. Автор рассматривает как общеизвестный факт то, что еще нуждается в доказательствах, а именно слабость научных связей между Европой и США вплоть до 1880-х годов. Однако американская антропология поддерживает тесные связи, основанные на интересе и симпатии, с целой плеядой французских авторов эпохи романтизма, сделавших "расу" последним словом цивилизации. По примеру первого Этнологического общества, основанного в Париже психологом и лингвистом Вильямом Эдвардсом в 1839 г., Альберт Галлатин создает в ноябре 1842 г. Американское этнологическое общество. Франкоговорящий швейцарец по происхождению, Галлатин в течение 8 лет был послом США во Франции и затем в Англии. Он встречался с А. Гумбольдтом и был хорошо знаком с модными теориями о прогрессе и о том, что ранг каждого народа в единой цивилизационной иерархии определяется как уровнем развития производственных отношений, так и степенью сложности языка. Рассматривая развитие человечества в эволюционистском духе, свойственном Шотландской школе (или работам Кондорсе во Франции), Галлатин противостоял двум лагерям противников. С одной стороны, сторонникам ортодоксального моногенизма и миграционистам, которые, вслед за Генри Роу Скулкрафтом, полагали, что дикие народы – результат вырождения более высоко развитых цивилизаций. С другой – приверженцам полигенизма, считавшим их недоразвитыми от природы. По мнению Галлатина, их развитию препятствовали географические условия или климат. Примечательно, что в научном сообществе США в ходу те же три основные гипотезы, вокруг которых группируются европейские антропологи. Даже если забыть на время о библейском моногенизме, взгляды Галлатина являются ярким примером типично французской, по мнению Дево, "естественной истории человеческих обществ", эволюционистской по своей природе. Поиски ее истока привели бы нас к трудам Марселя Мосса, а ее прямым последователем был Льюис Генри Морган (Bieder 1986; Swetlitz 1988).

Напротив, Самюэль Джордж Мортон станет родоначальником американской антропологической школы благодаря циклу работ по краниологии. Его классический труд "Crania Americana", опубликованный в 1839 г., станет образцом и для многих монографий, созданных в Старом свете. Если у Мортонна и были предшественники-европейцы, такие как Питер Кампер, Ян Ван дер Ховен и даже Пьер Добантон, то он разработал новый канон в физической антропологии, основанный на измерениях, использовании статистических методов и работе в анатомических музеях. Труды Мортонна, разумеется, обсуждались в европейском научном сообществе. За рамками методологических нововведений, которые после 1860 г. сослужат хорошую службу Полю Брока, Мортон остается типичным представителем американского полигенизма с его зловещими представлениями о роли наследственности. Его сделали своим знаменем сторонники "Особых законов" в южных штатах. Во время гражданской войны "негрология" его подражателей Джошуа Нота и Джорджа Глиддона оказалась полезной для подтверждения тезиса о врожденном скудоумии чернокожих и их вечной зависимости.

Эта расологическая американская школа господствует в антропологии на протяжении 1840–1860 гг., и удивительно, что Дево не упоминает о ней – тем более что ей посвящена обширная историография, начиная с работ Вильяма Стентона (*Stanton* 1982) и Стивена Дж. Гоулда (*Gould* 1981) и заканчивая переизданием ее основных манифестов, предпринятым Робертом Бернаскони. Создатель последовательной картины американской антропологической традиции не может обойтись без упоминания о расологической школе, которая является ярким свидетельством "заражения", по выражению Э. Дево, – неизбежного следствия циркуляции людей и идей в научном пространстве. Филадельфийский врач Самюэль Джордж Мортон приобщился к таинствам френологии во время учебы в Эдинбурге. Он жил в Париже, где совершенствовал свои врачебные познания, и почерпнул исходные положения своей расовой доктрины из французских книг. Он цитирует среди основных источников своих трудов известных полигенистов эпохи Реставрации, таких как Антуан Демулен и Оноре Жакино. Публикации натуралистов-полигенистов, участников второго кругосветного плавания Дюмона Дюрвиля будут подобным же образом использованы его эпигонами для подтверждения человеческого неравенства. Нотт и Глиддон опубликовали два объемистых коллективных труда – "Типы человечества" ("*Types of Mankind*", 1854) и "Аборигенные расы Земли" ("*Indigenous Races of the Earth*", 1857), свидетельствующих об их прекрасной осведомленности о европейских научных дебатах. Еще до того, как история первобытности получила право на существование в Париже или Лондоне, один из авторов упомянутых коллективных трудов, Вильям Ашер (*Usher* 1854), упорно защищал "археологические" исследования Жака Буше де Перта, отвергаемые Академией наук и демонстрировавшие сосуществование человека с биологическими видами, полностью исчезнувшими с лица земли. Буше де Перт был в конце концов признан, так же как Эфраим Сквайер, археолог, знаменитый исследованиями отложений Миссисипи, поддержанный Мортонем и пропагандировавшийся Глиддоном во время путешествий последнего по Европе.

Фактически, краниология, геология и археология отнюдь не были противниками, напротив, они развивались в полном согласии друг с другом. "Допотопные" находки Буше де Перта упрочивали тезис о древности рода человеческого, быстро трансформировавшийся в подтверждение изначального многообразия расовых типов. Привнося налет ереси, они вносили путаницу в хронологию, основанную на толкованиях Библии. Осознавая свою роль первопроходцев, расисты Филадельфийской школы, благодаря их скандальным заявлениям, добились известности в Европе. Во Франции Глиддон встречался с Эрнестом Ренаном, а Гюстав д'Эшталль, секретарь Этнологического общества, привлек археолога и лингвиста Альфреда Мори в качестве одного из авторов "*Indigenous Races of the Earth*"; рассматривался вопрос о переводе на французский язык краниологических трудов Мортонна. Таким образом, неверно думать, что две национальные научные школы существовали в параллельных мирах, ничего не зная друг о друге. Уже в 1856 г. Дж. Нотт, врач из Алабамы, одержимый навязчивой идеей о пагубных последствиях расового смешения, готовил сокращенное английское издание "Эссе о неравенстве человеческих рас" ("*Essai sur l'inégalité des races humaines*") Гобино, вышедшего в свет в 1853 г. (см. *Horsman* 1987).

Таким образом, весьма спорные современные американские исследования не были достоянием лишь узкого круга избранных. На самом деле французская антропология в значительной мере самоопределилась именно на их фоне. Если Арман де Катрфаж, штатный профессор антропологии в Парижском музее с 1855 г., в своем первом эссе "Видовое единство человечества" ("*Unité de l'espèce humaine*", 1861) опровергал их положения, то Поль Брока всем своим авторитетом поддерживал "высокую научную значимость" школы Мортонна. С этой же мотивировкой он присоединился к его исследовательской программе (что стоило ему определенной изоляции), и его точка зрения оставалась неизменной несмотря на все опровержения и порицания (*Blanckaert* 1995).

Я хочу обратить особое внимание на то, что "основатель" современной антропологии, как его иногда называют, на самом деле является последователем, причем он сам, особенно в начале своей карьеры, прямо указывал на источник заимствованной им идеологии. По этой же причине Брока останется при своем мнении, когда его современники повернутся в сторону дарвинизма. Он по-прежнему использовал в своей работе методы предыдущего поколения и сознательно игнорировал социальный эволюционизм английского типа, или, иначе говоря, антропологию происхождения. Вплоть до своей смерти в 1880 г., сохраняя приверженность полигенизму, он отдавал предпочтение изучению аборигенных рас, более или менее способных к развитию и с неясным прошлым (*Blanckaert 1989b*).

Как становится ясно, вполне справедливый и имеющий право на существование вопрос о национальных школах в антропологии приобретает несколько карикатурный оттенок, если мы не принимаем в расчет интернациональный характер научной дискуссии и европейскую составляющую в формировании американской научной элиты. Роберт Бидер (*Bieder 1986: 53*) полагает, в частности, что Галлатин "был более европейцем, нежели американцем". В ответ на это я мог бы сказать, что в своих рассуждениях Брока часто был более американцем, чем французом. Его учителя и наставники с медицинского факультета – полигенисты Пьер-Николя Жерди и Пьер Берар мало интересовались объемом черепов и поиском математических доказательств различий внутри человечества. Более того, нет ничего удивительного в присутствии в обеих "традициях" геологических и биологических интертекстов: они объединены единой парадигмой историзма. Отсюда следует, что понятие "национальной традиции" не обеспечивает необходимый уровень анализа.

Согласен, что "зеркальный" подход предполагает необходимость разделения. Но все европейские ученые – специалисты по античности, сравнительные этнологи, филологи и палеонтологи, сталкиваются с одной и той же эпохальной проблемой: речь идет об увлекательной и сложной задаче установления связи между природным и человеческим временем и распространения компетенции научного познания на большие исторические глубины. Поэтому следовало бы воздать должное наличию точек соприкосновения и общего концептуального поля, и в первую очередь – разработанной норвежскими исследователями классификации, в той же мере геологической, что и археологической, выделяющей три стадии производства – каменный, бронзовый и железный века. Благодаря переводчикам и влиятельным популяризаторам эта схема была воспринята как в Европе, так и в США, вместе с представлениями о том, что смена периода либо указывает на момент завоевания (и, соответственно, "борьбы рас", свидетельством которой служит залегание на разной глубине в погребальных сооружениях различных антропологических типов), либо связана с внутренним развитием, если следовать философской идее прогресса. Каждый мог принять ту или иную точку зрения, в соответствии с собственными склонностями. Так, Кёртис Хинсли (*Hinsley 1981: 41*) сообщает, что Джозеф Генри из Смитсоновского института узнал об этой схеме из реферата геолога из Лозанны Адольфа Морло, после чего внедрил ее в качестве общепринятой интерпретации в среду археологов и специалистов по изучению индейцев. В Великобритании эту же работу Морло взял на вооружение Чарльз Лайель.

В заключение отмечу, что, не отрицая наличия определенных доминант, свойственных каждой из научных школ, я считаю неправильным рассматривать их как замкнутые сосуды, особенно в тот краткий период, который предшествует профессионализации (и, следовательно, началу преподавания) антропологии. Наличие обмена научными идеями между школами несомненно. Наконец, следует упомянуть и о посреднической роли ученых из "инострannого легиона", которые, приехав из Швейцарии, как Эдуар Дезор, или из других европейских стран, участвовали в организованном по проекту "Geological Surveys" описании природных богатств и человеческого потенциала Нового Света (*Kaeser 2004*). Существует столько пересекающихся путей и траекторий, до-

бавляющих сложности знаменитым "национальным школам" в ущерб прочности их границ! Одно, тем не менее, доказано: термин "культура" в его романтическом смысле зарождается в Германии и не торопится проникать в США, как и во Францию. Классическая для XIX в. описательная статистика исследователей-путешественников, чисто фактологическая и экстенсивная, не принимает культуру в расчет, поскольку для нее человек и вещь, полезные ископаемые и быт и нравы "дикарей" – объекты одного плана. Это испытанный жанр исследования, который рассматривает расу как эмпирически наблюдаемый объект, включающий, как две стороны медали, физические и "моральные" характеристики (к последним относятся нравы и обычаи). Геология добавила лишь маленький штрих к великому проекту столетия: приручению времени и постижению таинства истоков.

Литература

- Bieder* 1986 – *Bieder R.E.* Science encounters the Indian, 1820–1880. The early years of American Ethnology. Norman: The University of Oklahoma Press, 1986.
- Blanckaert* 1989a – *Blanckaert C.* "L'Anthropologie personnifiée. Paul Broca et la biologie du genre humain // Broca P. Memoires d'Anthropologie. P.: Jean Michel Place, 1989. P. I–XLIII.
- Blanckaert* 1989b – *Blanckaert C.* L'indice cephalique et l'ethnogenie europeenne: A. Retzius, P. Broca, F. Pruner-Bey (1840–1870) // Histoire de l'Anthropologie: Hommes, Idees, Moments / Dir. C. Blanckaert, A. Ducros, J.-J. Hublin. Bulletins et Memoires de la Societe d'Anthropologie de Paris. 1989. T. I. P. 165–202.
- Blanckaert* 1995 – *Blanckaert C.* L'esclavage des Noirs et l'ethnographie americaine: le point de vue de Paul Broca en 1858 // Nature, Histoire, Société. Essais en hommage a Jacques Roger / Dir. C. Blanckaert, J.-L. Fischer, R. Rey. P.: Klincksieck, 1995. P. 391–417.
- Boule* 1921 – *Boule M.* Les hommes fossiles. Elements de paleontologie humaine. P.: Masson et Cie, 1921.
- Broca* 1874 [1870] – *Broca P.* Autochthones // P. Broca. Memoires d'Anthropologie. P.: Reinwald, 1874. T. II. P. 550–571.
- Esquiros* 1845 – *Esquiros A.* Du mouvement des races humaines. Cours de M. Serres // Revue des deux Mondes. 1845. T. X. P. 152–186.
- Esquiros* 1848 – *Esquiros A.* Des études contemporaines sur l'histoire des races // Revue des deux Mondes. 1848. T. I. P. 982–1002.
- Frémeaux* 1998 – *Frémeaux J.* Des Bureaux arabes a Maurice Delafosse. Contribution à une étude de l'historiographie coloniale // Maurice Delafosse. Entre orientalisme et ethnographie: l'itinéraire d'un africaniste (1870–1926) / Dir. J.-L. Amselle, E. Sibeud. P.: Maisonneuve et Larose, 1998. P. 193–209.
- Gould* 1981 – *Gould S.J.* The Mismeasure of Man. N.Y.: W.W. Norton & Co., 1981.
- Hinsley* 1994 – *Hinsley C.M.* The Smithsonian and the American Indian. Making a Moral Anthropology in Victorian America. Washington: Smithsonian Institution Press, 1994.
- Horsman* 1987 – *Horsman R.* Josiah Nott of Mobile. Southerner, Physician, and Racial Theorist. Baton Rouge: Louisiana State University Press, 1987.
- Kaaser* 2004 – *Kaaser M.-A.* L'univers du préhistorien. Science, foi et politique dans l'œuvre et la vie d'Edouard Desor (1811–1882). P.: L'Harmattan, 2004.
- Stanton* 1982 – *Stanton W.* The Leopard's Spots. Scientific Attitudes toward Race in America 1815–1859. Chicago: The University of Chicago Press, 1982.
- Swetlitz* 1988 – *Swetlitz M.* The Minds of Beavers and the Minds of Humans. Natural suggestion, natural selection, and experiment in the work of Lewis Henry Morgan // Bones, Bodies, Behavior. Essays on Biological Anthropology / Ed. G.W. Stocking, Jr. Madison: The University of Wisconsin Press, 1988. P. 56–83.
- Topinard* 1879 – *Topinard P.* De la notion de race en anthropologie // Revue d'Anthropologie. 1879. 2e série. T. II. P. 589–660.
- Usher* 1854 – *Usher W.* Geology and Palaeontology, in Connection with Human Origins // Types of Mankind / Ed. J.C. Nott, G.R. Gliddon. 6e ed. Philadelphia: Lippincott, Grambo-Trübner & Co, 1854. P. 327–372.

Пер. с франц. Е.И. Филипповой